

Андрианова Д. В. Пословицы восточных славян в сопоставительной лексикографической репрезентации / Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева, Т. Г. Никитина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23.

Andrianova, D. V., Ignatieva, N. D., Nikitina, T. G. (2020). Proverbs of the Eastern Slavs in a Comparative Lexicographic Representation. *Nauchnyi dialog*, 7: 9-23. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23. (In Russ.).

УДК 81'374.82

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23

ПОСЛОВИЦЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ¹

© Андрианова Дарья Витальевна (2020), orcid.org/0000-0003-4190-5968, кандидат филологи-ческих наук, научный сотрудник словарного отдела, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), yakonukdar@yandex.ru.

© Игнатьева Наталья Дмитриевна (2020), orcid.org/0000-0001-5135-4851, кандидат филоло-гических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), nataliagasheva@yandex.ru.

© Никитина Татьяна Геннадьевна (2020), orcid.org/0000-0001-9006-9738, доктор филологи-ческих наук, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного образования, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет» (Псков, Россия), cambala2007@yandex.ru.

Представлены основные положения концепции сопоставительной словарной репрезентации восточнославянских пословиц, разработанной лексикографами Санкт-Петербургского и Псковского университетов. Сформулированы принципы макроструктурирования «Большого русско-украинско-белорусского словаря пословиц». Обоснованы приемы параметризации паремиологических параллелей и уникалий. Актуальность исследования в современной социополитической ситуации определяется необходимостью укрепления традиций объективной интерпретации этноязыкового единства восточных славян. Новизна исследования состоит в обращении к неразработанному в сопоставительном лексикографическом аспекте паремиологическому материалу и инновационном подходе к его лексикографированию. Доказано, что ценность словаря как этнолингвистического и лингвоаксиологического источника повысится за счет сочетания тематической организации материала, маркировки сходств и различий при подаче паремиологических

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

параллелей и объединения паремий под рубриками-аксиологемами. Особое внимание уделяется выявлению и словарной репрезентации полных межъязыковых паремиологических эквивалентов, установлению типов соответствий для частичных эквивалентов, описанию их этноспецифических элементов. Показаны возможности реализации сопоставительного аспекта при использовании предлагаемого авторами формата лексикографической репрезентации аксиологического содержания паремий. Подчеркивается, что разработанная лексикографическая концепция позволит представить восточнославянское паремиологическое пространство в единстве и разнообразии структурно-семантических моделей, языковых образов, аксиологических векторов и будет способствовать совершенствованию системы сопоставительной паремиографии.

Ключевые слова: восточнославянские языки; пословица; межъязыковые паремиологические эквиваленты; аксиологема; паремиологический словарь; сопоставительная лексикография.

1. Введение

Выявление генетической общности и этнокультурной специфики русских, украинских и белорусских пословиц как единиц, отражающих мировоззренческие установки народов, приобретает в современных социокультурных условиях особую актуальность в связи с необходимостью обеспечения адекватной интерпретации восточнославянского этноязыкового единства. И паремиологами в этом смысле сделано немало. Пословицы каждого из восточнославянских языков описаны на широком европейском языковом фоне в историко-этимологическом, лингвокультурологическом и функционально-семантическом аспектах [Петрушевская, 2013; Иваноў, 2016; Вальтер и др., 2019; Ломакина и др., 2019; Мокиенко и др., 2019 и др.]; сопоставлены в лингвокогнитивном и структурно-семантическом планах русские и украинские [Церцвадзе, 2016; Пукас, 2019], русские и белорусские пословицы [Иваноў 2003; Иваноў, 2011], а также отдельные фрагменты трех восточнославянских паремиологических систем [Марфина, 2018; Тубаловаи др., 2018]. Далеко не все результаты сопоставительных исследований восточнославянских пословиц находят лексикографическое отображение. Если библиографические списки сводных словарей русских [МНН], украинских [ППП] и белорусских пословиц [ППГ] включают от 100 до 300 одноязычных паремиографических источников, то количество двуязычных и многоязычных словарей, репрезентирующих восточнославянские паремиологические параллели, сравнительно невелико. В конце XX и начале XXI веков выходят два небольших по объему русско-белорусских словаря пословиц [Санько, 1991; Иванов и др., 2007], 500 русских пословиц сопровождаются украинскими и белорусскими (а также болгарскими, польскими, сербскими, словацкими, чешскими и английскими) эквивалентами в словаре М. Ю. Котовой [Котова, 2000].

В такой ситуации к решению проблемы сопоставительного лексикографирования русских, украинских и белорусских пословиц приступил творческий коллектив лексикографов Санкт-Петербургского и Псковского университетов под руководством профессора В. М. Мокиенко. Практическим результатом проекта «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации» должна стать подготовка к печати «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц». Цель данной статьи — представить основные положения разрабатываемой авторским коллективом паремиографической концепции, воплощением которой и станет проектируемый словарь.

Этапу лексикографирования материала в рамках проекта будет предшествовать масштабное сопоставительное исследование паремий трех языков. Основными источниками материала здесь станут упоминавшиеся выше сводные словари пословиц объемом в десятки тысяч единиц, что обеспечит максимально полное выявление трехязычных и двуязычных паремиологических параллелей, а также этноспецифических пословиц, не имеющих соответствий в восточнославянском паремиологическом пространстве.

2. Восточнославянские пословицы в сопоставительном словаре: структурно-семантический параллелизм и уникальность

Согласно принятой концепции, «Большой русско-украинско-белорусский сопоставительный словарь пословиц» [БРУБС] строится по алфавитно-тематическому принципу, который был апробирован нами при разработке материала для словаря «Народная мудрость. Русские пословицы» [Мокиенко и др., 2011]. Тематические группы пословиц в БРУБС располагаются в алфавитном порядке как тематические разделы, а названия этих разделов в большинстве случаев представляют ценностные оппозиции, отражаемые паремиями: *БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ, ВОЙНА И МИР, ГОЛОД И СЫТОСТЬ, ДРУЖБА И ВРАЖДА, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ* и т. п. Внутри разделов в алфавитном порядке заголовков размещаются тематические рубрики, например, *БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ: Богатство, достаток; Бедность, нищета; Богач — бедняк; Деньги; Прибыль — убытки. ГОЛОД И СЫТОСТЬ: Голод; Еда, пища (вкусно — невкусно); Обжорство; Сытый — голодный* и т. п. Внутри рубрик так же по алфавиту располагаются макростатьи, объединяющие описания паремиологических параллелей, под которыми понимаются совпадающие по значению паремии двух или трех языков, характеризующиеся полным или частичным сходством образной структуры и лексического состава в силу

генетической общности или типологической близости. В качестве заголовка макростатьи выступает цепочка полных эквивалентов (их объединяет знак =) с последовательностью подачи материала: русский — украинский — белорусский (по количеству носителей, пользующихся языком как родным). Затем по мере нарастания структурно-семантических различий под знаками (~), (~ ~), (~ ~ ~) приводятся частичные эквиваленты, например, в макростатье, открывающейся русской пословицей *Голод в мир гонит* (рубрика «Голод»):

Голод в мир гонит (рус.) [МНН, с. 193]. = **Голод у світ гонить** (укр.) [ППП, т. 1, с. 304]. = **Голад у свет гоніць** (бел.) [ППГ, т. 1, с. 218] ~ **Голод за море гонить** (укр.) [ППП, т. 1, с. 302]. ~ ~ ~ **Голод морит, по свету гонит; на полатях лежать — и ломтя не видать** (рус.) [МНН, с. 193].

При отсутствии русской паремиологической параллели используется специальное обозначение лакуны, а макростатья, открывающаяся украинско-белорусским соответствием, включается в алфавитный порядок, общий для русского и украинского языков (все три алфавита даются в справочной части Предисловия к словарю):

(рус.) — **Голодный милю пройде, а голый і за поріг не вийде** (укр.) [ППП, т. 1, с. 303]. — **Галодны мілю ўвойдзеш, а голы і за парог не выйдзеш** (бел.) [ППГ, т. 1, с. 263].

Если же полные эквиваленты отсутствуют, макростатья начинается параллелью наиболее близких в структурно-семантическом плане паремий. Знак **#** (укр.) или **#** (бел.) в конце статьи указывает на отсутствие соответствующего паремиологического материала:

С голоду и черный хлеб — пряник (рус.) [Сок., с. 151]. ~ *Голодному здається кожен хліб за булку* (укр.) [ППП, т. 1, с. 304]. ~ ~ *Галоднаму і лустка смачна* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 234].

Голод — лучшая приправа [к обеду] (рус.) [МНН, с. 193]. ~ *Кому голод приправа, то смакує трава* (укр.) [ППП, т. 1, с. 305]. **#** (бел.).

«Большой русско-украинско-белорусский словарь пословиц» проектируется как сопоставительный, но не переводной. Предполагается, что в первую очередь он будет использоваться лингвистами-славистами, которым не потребуются семантизация паремий как лексикографический параметр. Для широкого круга читателей, интересующихся славянским фольклором, в Приложении к БРУБС будет размещен словарик, который поможет самостоятельно перевести пословицу, отдельные компоненты которой были при прочтении непонятны, например, в приведенных выше словарных фрагментах: (укр.) *здаватися* — ‘казаться’, *кожен* — ‘любой, всякий’, *поріг* — ‘порог’, *трава* — ‘пища, кушанье’; (бел.) *лустка* ‘ломть, ломтик’, *смачны* — ‘вкусный’, *увайсці* — ‘пройти’.

Что касается типов межъязыковых паремиологических соответствий, наполняющих в макростатье зону частичных сходств, то они будут подробно описаны в Предисловии. Так, при наличии полных эквивалентов в трех языках: **Голод не тётка** (рус.) [Сок., с. 148] — **Голод — не тітка** (укр.) [ППП, т. 1, с. 303] — **Голод не цётка** (бел.) [ППП, т. 1, с. 218] более пространная пословица, сформировавшаяся на данной производящей базе [Мокиенко, 2002, с. 69], представлена «межъязыковыми лексическими вариантами», под которыми, по аналогии с квалификацией одноязычного материала, мы понимаем паремии единой синтаксической структуры, содержание которых не различается какими-либо смысловыми оттенками при наличии расхождений в компонентном составе [Жуков, 1991, с. 16]: *Голод не тетка, пирожка не подсунет* (рус.) [МНН, с. 193] ~ *Голод — не тітка, піріжка не дасть* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303] (по типу вариантов соотносятся компоненты *не подсунет // не дасть*).

В словаре В. М. Мокиенко [Мокиенко, 2002] находим следующую расшифровку образа данной пословицы: тетка (и другие родственники — ср., например: *Голод — не батько і не мати* [ППП, т. 1, с. 303]) может вкусно и сытно накормить, в других случаях голод заставляет человека действовать самостоятельно, чтобы прокормиться [Мокиенко, 2002, с. 69]. Компоненты образной структуры, отображающие «предлагаемое теткой» угощение (*блины, калачик*), как и форму его предложения (*поднести, подложить*), активнее варьируются в русском языке, что будет отражено далее в словарной статье: ~ *Голод не тетка — блины не поднесет* [Сок., с. 148]; *Голод не тётка: калачика не подложит* [МНН, с. 193]. Варьирование тематически близких компонентов (*тетка // тёща*) в дополнение к вариации *пирожок // блины* наполняет этнокультурный фон пословицы отсылками к русским свадебным обрядам (молодые едут к теще на блины на второй день свадьбы) и семейным традициям (теща угощает зятя блинами на Масленицу): ~ *Голод не тёща — на блины не позовет* [Сок., с. 148]. *Голод не тёща: блинов не напечёт* [МНН, с. 193]. Под знаком ~ ~ в словарной статье будут представлены варианты пословицы, в которых при сохранении общего образного мотива стирается конкретика одного из блоков образной структуры, в данном случае — второго: *Голод не тетка — не подает* [Сок., с. 148]; *Голод не тетка — не прокормит* [Сок., с. 148].

Еще более удалены от исходного варианта по образности пословицы с экспликацией идеи ‘голод заставляет человека действовать, чтобы прокормиться’, что приводит к значительной трансформации образной структуры: ~ ~ ~ *Голод не тётка — заставит заговорить* [МНН, с. 193]; *Голод не тётка — заставит работать* [МНН, с. 193].

Образ доброй хлебосольной родственницы окончательно стирается в шутивно-иронической поговорке, которая представляет собой результат контаминации: ~ ~ ~ *Голод не тётка — за ворота не выкинешь* [МНН, с. 193] (*Голод — не тетка + Гость не кость — за дверь не выкинешь*). Примерно то же наблюдаем в белорусской поговорке ~ ~ ~ *Голад не цётка, з'есць, што папала* (буквально: *голод не тетка, съест, что попало*) [ППГ, т. 1, с. 218].

Готовность голодного съесть любую пищу, в том числе украденную, отражает внутренняя форма и других белорусских вариантов исходной паремии: ~ ~ ~ *Голад не цётка, паглядзяць ды з'ядзяць* [ППГ, т. 1, с. 218]; *Голад не дзядзіна, з'ясі і крадзена* [ППГ, т. 1, с. 218] — в этом случае варьирование ключевого образного компонента *цётка // дзядзіна* поддерживается рифмой *дзядзіна // крадзена*.

Самые разные по типу рифмы (чисто грамматические и смешанные, концевые и внутренние, точные и неточные) являются отличительной чертой национально маркированных паремиологических параллелей, заполняющих в макростатьях рубрики «Голод» зоны максимально возможных расхождений (~ ~ ~): *Калі кішкі не напрузі, то і чужыя вароты адапрузі* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 221]; *Хоць сабачына, было б вока не бачыла* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 220]; *Голодний з'ість і холодне* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303]; *Голод не знає ні свата, ні брата* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303]; *Хрэн ды рэдзка, ды й то было рэдка* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 222]. Этноспецифическими вариантами компонентов в межъязыковом плане становятся и полноценные рифмопары: *Голодний качці все зерно на гадці* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303]; *~ Галоднай курцы зярнятка на думцы* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 220], ср.: *качці-гадці* (укр.) // *курцы-думцы* (бел.).

Этнокультурный фон паремий формируют и такие лингвокультурологически значимые компоненты, как наименования традиционных кушаний, предметов обихода, конструктивных особенностей крестьянского жилища — *черный хлеб, пряник, овсяный хлеб, картофелина, полати, горнец* (горшок): *С голоду и черный хлеб — пряник* (рус.) [Сок., с. 151]; *Хто голодний, тому і вівсяний хліб смакує* (укр.) [ППП, т. 1, с. 306]; *Галодны і гнілой бульбіне рад* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 220], *Голод морит, по свету гонит; на полатях лежать — и ломтя не видать* (рус.) [МНН, с. 193]; *Голодний горобець залізе і в горнець* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303].

Размышляя о межъязыковой эквивалентности паремий, М. А. Бредис поддерживает точку зрения В. Хлебды [Хлебда, 2008, с. 96], согласно которой все поговорочные идеи интернациональны, а значит, любая поговорка теоретически должна иметь смысловой эквивалент в любом языке. Если

же такой эквивалент отсутствует, значит, он пока не обнаружен собирателями фольклора или уже вышел из употребления. По образному выражению М. А. Бредиса, пустые клетки в целостной картине пословичных эквивалентов, могут заполняться, как в таблице Менделеева, по мере нахождения соответствующих паремий [Бредис, 2019, с. 151].

На данный момент восточнославянская паремиологическая картина не лишена таких «пустых клеток», но условные паремиологические уникалии русского, украинского и белорусского языков, не имеющие параллелей, не должны, согласно нашей концепции, остаться за пределами словаря. В заключительной части каждой рубрики соответствующий по тематике безэквивалентный паремиологический материал размещается в алфавитном порядке без перевода, но, как уже отмечалось, с семантизацией отдельных компонентов в словарном украинско-русском и белорусско-русском приложении. Приведем фрагменты репрезентации таких пословиц в рубрике «Голод»:

*** (рус.)

Один слеп от голода, другой — от золота [МНН, с. 194]. Пережили голод, дай Бог, переживем и сытость [Сок., с. 150]. С голоду не мрут, только пухнут, а с обжорства лопаются [МНН, с. 194]. Хоть с голоду пухнем, да на воле живём [МНН, с. 194] и др.

*** (укр.)

Голодного рта хусткою не затулиш [ППП, т. 1, с. 304]. Голодному цигани сняться [ППП, т. 1, с. 304]. І мудрий здуріє, як зголдніє [ППП, т. 1, с. 305]. Хоч з корита, та досита [ППП, т. 1, с. 307] и др.

*** (бел.)

Галодны прысмакаў не пытае [ППГ, т. 1, с. 220]. Галодны як шалёны: то кладзе наклёны, то праклёны [ППГ, т. 1, с. 219]. Не даясі і калёсы прадасі [ППГ, т. 1, с. 221]. Хлеб дае рогі, а голад ногі [ППГ, т. 1, с. 232] и т.п.

Здесь мы видим не только уникальные образы, но и содержательную, прежде всего оценочную специфику паремий разных народов: представление голода и богатства как равнозначно губительных факторов, выбор между голодом и свободой в пользу свободы, выбор между количеством пищи и формой ее подачи в пользу количества, совет голодному не требовать деликатесов, сравнение голодного человека с сумасшедшим.

В полном объеме наглядно представить подобные различия паремиологической концептуализации действительности и общность пословичных идей восточных славян — особая лексикографическая задача, которая будет решена в Указателе аксиологом — специальном разделе «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц».

3. Аксиологемы восточнославянских паремий в сопоставительном словаре

Одним из направлений структурно-семантических, лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследований последних двух десятилетий стала реконструкция и анализ сжатых обобщающих репрезентаций смысла пословиц — пословичных логе́м [Савенкова, 2002], когнитив [Иванова, 2003], пословичного конденсата или пословичных идей [Селиверстова, 2009]. Термин *аксиологема* предложенный для обозначения таких пропозициональных единиц К. А. Жуковым [Жуков, 2004, с. 6], использует в настоящее время целый ряд исследователей, к которым присоединяемся и мы, признавая особую значимость оценочного компонента семантики пословиц.

Аксиологический раздел «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц» сохранит систему тематических рубрик, внутри которых пословичный материал будет группироваться под заголовками-аксиологемами и располагаться блоками по языкам, с тем чтобы компактно представить ценностно-смысловые доминанты и способы их пословичного отображения, характерные для каждой лингвокультуры. В такие блоки войдут как единицы, составляющие межъязыковые паремиологические параллели, так и безэквивалентные пословицы. Внутри блоков реализуется алфавитный принцип подачи паремий. А порядок расположения заголовочных аксиологем определяется количеством пословичного материала, отнесенного к каждой из них, что в определенной степени свидетельствует о значимости соответствующих оценочных смыслов для носителя языка. Так, наиболее объемной в рубрике «Голод» оказалась группировка материала под заголовком «Человек должен действовать, чтобы не голодать» (45 единиц), где собраны многочисленные структурные и образные вариации пословиц *Голод в мир гонит* и *Голод не тетка*, функционирующие в каждом из восточнославянских языков, а также особые воплощения данной пословичной идеи, напр., рус. *Голод заставляет руки творить чудеса* [МНН, с. 193], бел. *Мацей, успацей, калі хлеба хахацей* [ППГ, т. 1, с. 167].

Во второй по объему аксиологической группировке — «Голодному любая пища вкусна» (39 единиц) — при общности метафорической репрезентации идеи (*Голод — лучший повар* [МНН, с. 193]; *Голод — наилучший кухар* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голад — найлепшы кухар* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 218]) так же широко представлен диапазон образных средств, используемых в каждом из языков для передачи шутливо-иронического смысла паремий. Хлебная корка и недопеченная еда у русских, опята и печеная репа

у украинцев, выжимки из киселя у белорусов — такое меню предлагается в паремиях голодному человеку, вкусовые ощущения которого определяет голод: *И недопёкши едят, да сыты бывают* [МНН, с. 897]; *С голоду хлебная корка слаще пирога* [МНН, с. 194]; *Голодному й опеньки м'ясо* [ППП, т. 1, с. 304]; *Як зголодніє, то буде й печену ріпу їсти* [ППП, т. 1, с. 306]; *У голод і нішчымнае смачна есці* [ППГ, т. 1, с. 243]; *З'ясі і кісялёвых выжымак, як будзеш галодны* [ППГ, т. 1, с. 220].

Далее в порядке уменьшения объема материала расположились аксиологические группировки, представленные паремиями трех языков: «Голодный думает только о еде»; «Голод толкает на проступки и преступления»; «Голод мотивирует человека к речевой активности»; «Голод мучителен, неприятен»; «Голод учит жизни»; «Работающий, предприимчивый человек не голодает»; «Голод заставляет лгать»; «Голодный рад и малому количеству пищи»; «Голодный готов съесть что-л. необычное (несъедобное, крупное)».

Голод не дает спать — этот факт в составе соответствующей рубрики с досадой или же иронией констатируют только русские и украинские пословицы: *Спать не устать, да голод доймёт* [МНН, с. 193]; *Голодне око не засне глибоко* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодному не спиться, а хліб снитись* [ППП, т. 1, с. 304]. В этих же лингвокультурах голодом оправдывается бездействие или безделье: *С голоду да холоду и петух не поёт, от тепла да сыта и курица кукарекает* [МНН, с. 194]; *Голодный і пес не бреше* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодному не до танцю* [ППП, т. 1, с. 304]; *З голоду та холоду і півень не співає, а від тепла та їжі і куриця кукурікає* [ППП, т. 1, с. 305].

Украинские и белорусские пословицы дают человеку совет, вынесенный в аксиологический заголовок, который вместе с репрезентациями аксиологемы представим в формате словаря:

ГОЛОДНЫЙ НЕ ДОЛЖЕН ПРИВЕРЕДНИЧАТЬ В ЕДЕ

Укр.: *Голодному лиш прибирати, а не перебирати* [ППП, т. 1, с. 304]; *Хто перебирає, той голодом перемирає* [ППП, т. 1, с. 306].

Бел.: *Галодны прысмакаў не пытае* [ППГ, т. 1, с. 220].

Любопытный ракурс осмысления феномена голода отражен в украинских и белорусских соотносительных паремиях (с явным преобладанием украинских), представленных под заголовком “Лучше быть голодным, чем голым”:

Укр.: *Голодный перебіжить усе поле, а голий ані за поріг* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодный поле перебіжить, а голий ні з місця* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодный село перейде, а голий ні кроку* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодный селом пройде, а голий — ні* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодный день просидиши, а голий — ні з місця* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303].

Бел.: *Галодны перабяжыць усё поле, а голы ані за парог* [ППГ, т. 1, с. 263]; *Галодны поле пярэйдзеш, а голы не* [ППГ, т. 1, с. 264].

Еще более оптимистичны безэквивалентные русские паремиологические варианты, объединенные под рубрикой «Голодные времена забываются»: *Был молод — сам знал голод, а отъелся — и позабыл* [МНН, с. 193]; *Молод терпел голод, а отъелся — и забыл* [Сок., с. 476].

Обращение к когнитивной оппозиции «свой — чужой» с привлечением «паремийного биннома» [Селиверстова, 2009, с. 192] *голод — золото* в безэквивалентной русской пословице *Лучше среди своих с голоду помирать, чем среди чужих золото собирать* [Сок., с. 487] обеспечивает этнокультурно детерминированное представление аксиологемы: «Лучше голод на родине, чем богатая жизнь на чужбине». Единичной безэквивалентной русской пословицей представлена в словаре и аксиолгема-рубрика «Ради свободы можно терпеть голод»: *Хоть с голоду пухнем, да на воле живём* [МНН, с. 194].

Эти и другие выводы, значимые для паремиологии, лингвокультурологии и лингвоаксиологии можно сделать на восточнославянском материале, представленном в аксиологическом разделе «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц».

4. Заключение

Таким образом, восточнославянские паремии, не получившие до настоящего времени адекватной сопоставительной лексикографической репрезентации, могут быть разработаны в «Большом русско-украинско-белорусском паремиологическом словаре», предполагающем сопоставление материала как в структурно-семантическом, так и в лингвоаксиологическом плане. Отражение сходств и различий образной структуры и лексико-синтаксической организации пословиц при репрезентации паремиологических параллелей в первом разделе словаря позволит увидеть этнокультурную специфику и общие закономерности языкового воплощения концептуального содержания на уровне паремиологических моделей, образов и их элементов. Объединение материала под рубриками-аксиологемами во втором разделе словаря представит в сопоставительном аспекте оценочный потенциал восточнославянских паремий, общность и специфику миропонимания, жизненных приоритетов, ценностных установок, отражаемых пословицами трех генетически родственных лингвокультур.

Источники и принятые сокращения

1. МНН — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — Москва : Олма Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
2. ППГ — *Прыказкі і прымаўкі* : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. — Мінск : Навука і тэхніка, 1976. — Кн. 1. — 559 с.; Кн. 2. — 616 с.
3. ППП — *Прыслів'я та приказкі / упорядник М. М. Пазяк*. — Киев : Наукова думка, 1989. — Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. — 479 с.
4. Сок. — *Соколова М. И.* Народная мудрость: пословицы и поговорки / М. И. Соколова. — Новосибирск : Офсет, 2009. — 622 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бредис М. А.* Национальное и интернациональное в паремиях: пословица Работа не волк, в лес не убежит и ее аналоги в разных языках / М. А. Бредис // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2019. — Том 5, № 1. — С. 143—160.
2. *Вальтер Х.* Праславянская фразеология: миф или реальность? / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*. — 2019. — Vol. 70, № 1. — С. 5—32.
3. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. — Москва : Русский язык, 1991. — 534 с.
4. *Жуков К. А.* Языковое воплощение концепта «труд» в пословичной картине мира : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. А. Жуков. — Великий Новгород, 2004. — 26 с.
5. *Иванов Е. Е.* Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. — Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2007. — 242 с.
6. *Иванова Е. В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) : диссертация ... доктора филологических наук / Е. В. Иванова. — Санкт-Петербург, 2003. — 415 с.
7. *Иваноў Я. Я.* Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні / Я. Я. Иваноў // *Філолагічны студіі: Наукowy вiсник Крыворызькага дзяржавага педагагічнага ўніверсітэту*. — 2011. — Вып. 6, Ч. 2. — С. 53—63.
8. *Иваноў Я. Я.* Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў / Я. Я. Иваноў // *Studia slawistyczne*. — 2003. — Т. 4. — С. 49—55.
9. *Иваноў Я. Я.* Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксте (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) / Я. Я. Иваноў // *Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сборник научных статей*. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. — Вып. 3. — С. 46—49.
10. *Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2000. — 360 с.
11. *Ломакина О. В.* Концептуальная дихотомия «Бог» — «Дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // *Вестник Томского государственного университета*. — 2019. — № 447. — С. 55—62.
12. *Марфина Ж. В.* Репрезентация субконцептов «Сын / Син», «Дочь / Дочка» в восточнославянской паремике / Ж. В. Марфина // *Вестник Омского государственного*

педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2018. — № 2 (19). — С. 63—66.

13. *Мокиенко В. М.* Русско-венгерские паремиологические параллели (в поисках национальной специфики) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 2019. — № 64, Вып. 1. — С. 85—102.

14. *Мокиенко В. М.* Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург : Нева, 2002. — 352 с.

15. *Пукас А. А.* Особенности антонимических противопоставлений в русских и украинских пословицах тематической группы «Добро — зло» / А. А. Пукас // *Русский язык в современном мире : сборник научных статей*. — Симферополь : Ариал, 2019. — С. 124—129.

16. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет, 2002. — 240 с.

17. *Санько З. Ф.* Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Ф. Санько. — Мінск : Навука і тэхніка, 1991. — 218 с.

18. *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. — Санкт-Петербург : МИРС, 2009. — 270 с.

19. *Тубалова И. В.* Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках / И. В. Тубалова, Х. Ван // *Русин*. — 2018. — № 2 (52). — С. 141—160.

20. *Хлебда В.* О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре / В. Хлебда // *Przegląd Rუსycystyczny*. — 2008. — № 4 (124). — С. 90—104.

21. *Церцвадзе М. Г.* Вербализация бинарных концептов «Ум / Розум» и «Глупость / Дурость» в русском и украинском языках (на материале пословиц и поговорок) / М. Г. Церцвадзе // *Вестник Воронежского университета*. — 2016. — № 4. — С. 117—119.

22. *Petruševskaja Ju. A.* Универсальное и национальное в составе пословиц современного белорусского литературного языка / Ju. A. Petruševskaja // *Wort — Text — Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen*. — Greifswald : E.M.A. — Universität, 2013. — S. 79—80.

PROVERBS OF THE EASTERN SLAVS IN A COMPARATIVE LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION¹

© **Daria V. Andrianova** (2020), orcid.org/0000-0003-4190-5968, PhD in Philology, researcher, Dictionary Department, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), yakonukdar@yandex.ru.

© **Natalia D. Ignatieva** (2020), orcid.org/0000-0001-5135-4851, PhD in Philology, senior lecturer, Russian as a Foreign Language Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), nataliagasheva@yandex.ru.

1 The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, (project No. 20-18-00091 "The world of the Eastern Slavs in paremiological interpretation: axiological dominants and their linguoculturographic representation", implemented at the St. Petersburg State University).

© **Tatiana G. Nikitina** (2020), orcid.org/0000-0001-9006-9738, Doctor of Philology, professor, Theory and Methodology of Primary and Preschool Education Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pskov State University” (Pskov, Russia), cam-bala2007@yandex.ru.

The main provisions of the concept of comparative vocabulary representation of East Slavic proverbs, developed by the lexicographers of St. Petersburg and Pskov universities are presented. The principles of macrostructuring of the “Big Russian-Ukrainian-Belarusian dictionary of proverbs are formulated”. The methods of parametrization of paremiological parallels and uniqueness are substantiated. The relevance of the study in the modern sociopolitical situation is determined by the need to strengthen the traditions of objective interpretation of the ethno-linguistic unity of the Eastern Slavs. The novelty of the research lies in the appeal to the paremiological material that has not been developed in a comparative lexicographic aspect and an innovative approach to its lexicography. It is proved that the value of the dictionary as an ethnolinguistic and linguoaxiological source will increase due to the combination of the thematic organization of the material, marking the similarities and differences in the presentation of paremiological parallels and combining the parems under axiological headings. Particular attention is paid to the identification and vocabulary representation of complete interlingual paremiological equivalents, the establishment of the types of correspondences for partial equivalents, the description of their ethno-specific elements. The possibilities of implementing the comparative aspect are shown when using the format of the lexicographic representation of the axiological content of the parems proposed by the authors. It is emphasized that the developed lexicographic concept will make it possible to present the East Slavic paremiological space in the unity and diversity of structural and semantic models, linguistic images, axiological vectors and will contribute to the improvement of the system of comparative paremiography.

Key words: East Slavic languages; proverb; interlingual paremiological equivalents; axiologeme; paremiological dictionary; comparative lexicography.

MATERIAL RESOURCES

- MNN — Mokiienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bolshoy slovar' russkikh posloviits*. Moskva: Olma Media Grupp. (In Russ.).
- PPG — Grynblat, M. Ya. (ed.). (1976). *Prykazki i prymayki*, 2. Minsk: Navuka i tekhnika.
- PPP — Pazyak, M. M. (ed.). (1989). *Prisliv'ya ta prikazki*, 1. *Priroda. Gospodarska diyalnist' lyudini*. Kiev: Naukova dumka. (In Ukr.).
- Sok. — Sokolova, M. I. (2009). *Narodnaya mudrost': posloviitsy i pogovorki*. Novosibirsk: Ofset. (In Russ.).

REFERENCES

- Bredis, M. A. (2019). Natsionalnoye i internatsionalnoye v paremiyakh: posloviitsa Rabota ne volk, v les ne ubezhit i ee analogi v raznykh yazykakh. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskaya nauka*, 5/1: 143—160. (In Russ.).
- Ivanov, E. E., Mokiienko, V. M. (2007). *Russko-belorusskiy paremiologicheskii slovar'*. Moglev: MGU imeni A. A. Kuleshova. (In Russ.).
- Ivanova, E. V. (2003). *Poslovichnaya kontseptualizatsiya mira (na materiale angliyskikh i russkikh posloviits)*: dissertatsiya... doktora filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

- Khlebda, V. (2008). O chem dumaet russkiy indyuk, ili Ob ekvivalentakh poslovits v dvuyazychnom slovare. *Przegľad Rusycystyczny*, 4 (124): 90—104. (In Russ.).
- Kotova, M. Yu. (2000). *Russko-slavyanskiy slovar' poslovits s angliyskimi sootvetstviyami*. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).
- Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (2019). Kontseptualnaya dikhotomiya «Bog» — «Dyavol» v rusinskoj frazeologii i paremiologii (na slavyanskom fone). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 447: 55—62. (In Russ.).
- Marfina, Zh. V. (2018). Rerezentatsiya subkontseptov «Syn / Sin», «Doch / Dochka» v vostochnoslavyanskoj paremike. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2 (19): 63—66. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2002). *Shkolnyy slovar' zhivykh russkikh poslovits*. Sankt-Peterburg: Neva. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2019). Russko-vengerskiye paremiologicheskiye paralleli (v poiskakh natsionalnoy spetsifiki). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 64/1: 85—102. (In Russ.).
- Petruševskaja, Ju. A. (2013). Universalnoye i natsionalnoye v sostave poslovits sovremennoego belorusskogo literaturnogo yazyka. In: *Wort — Text — Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen*. Greifswald: E.M.A. — Universität. 79—80. (In Russ.).
- Pukas, A. A. (2019). Osobennosti antonimicheskikh protivopostavleniy v russkikh i ukrain-skikh poslovitsakh tematicheskoy gruppy «Dobro — zlo». In: *Russkiy yazyk v sovremennoy mire: sbornik nauchnykh statey*. Simferopol: Arial. 124—129. (In Russ.).
- Sanko, Z. F. (1991). *Maly ruska-belaruski sloŭnik prykazak, prymavak i frazem*. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Belarus.).
- Savenkova, L. B. (2002). *Russkaya paremiologiya: semanticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty*. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy universitetat. (In Russ.).
- Seliverstova, E. I. (2009). *Prostranstvo russkoy poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost'*. Sankt-Peterburg: MIRS. (In Russ.).
- Tsertsvadze, M. G. (2016). Verbalizatsiya binarnykh kontseptov «Um / Rozum» i «Glupost' / Durost'» v russkom i ukrainskom yazykakh (na materiale poslovits i pogovorok). *Vestnik Voronezhskogo universiteta*, 4: 117—119. (In Russ.).
- Tubalova, I. V., Van, Kh. (2018). Somaticeskyy kod v vostochnoslavyanskikh poslovitsakh i chastushkakh. *Rusin*, 2 (52): 141—160. (In Russ.).
- Valter, Kh., Mokienko, V. M. (2019). Praslavyanskaya frazeologiya: mif ili realnost'? *Jazykovednyj časopis (Journal of Linguistics)*, 70/1: 5—32. (In Russ.).
- Zhukov, K. A. (2004). *Yazykovoye voploshcheniye kontsepta «trud» v poslovichnoy kartine mira: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Velikiy Novgorod. (In Russ.).
- Zhukov, V. P. (1991). *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- Ivanoŭ, Ya. Ya. (2003). Prynstypy supastaŭlyalnaga apisannya afarystychnay paremiyalogii belaruskay i ruskay moy. *Studia slawistyczne*, 4: 49—55. (In Belarus.).

- Ivanoŭ, Ya. Ya. (2011). Paremyialagichnyya sistemy belaruskay i ruskay moŭ: padabenstvy i razykhodzhanii. *Filologichni studii: Naukoviy visnik Krivorizkogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu*, 6/2: 53—63. (In Belarus.).
- Ivanoŭ, Ya. Ya. (2016). Universalnae i natsyyanalnae ŷ frazealagichnay i paremyialagichnay padsistemakh belaruskay movy ŷ eŷrapeyskim moŭnym kantekestse (aktualnasts', metadalogiya, perspektyvy dasledavannya). In: *Slavyanskaya frazeologiya v sinkhronii i diakhronii: sbornik nauchnykh statey*, 3. Gomel: GGU im. F. Skoriny. 46—49. (In Belarus.).